

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

— Я не снимал ни "Броненосец Потемкин", ни "8 1/2" — я снимал картину о любви, — сказал Юлий Гусман о своем фильме "Не бойся, я с тобой!". Двадцатилетний юбилей картины на днях отмечали в Доме кино. В переполненном донельзя зале не нашлось кресел даже для двух министров культуры: российского Михаила Швыдкого и азербайджанского Полада Бюль-Бюль оглы. Им даже поначалу пришлось постоять у стенки...

Маск. — Комсомолец — 2000 — 3 июль — С.Г.

"Вчера ты мне сказала, что пазваниш сэво-одня, и, нэ назначив ча-аса, сказала только: "Жди" — бархатные звуки его чувственного голоса разбили не одно женское сердце на огромном пространстве Советского Союза. За короткий срок великолепный певец с экзотической фамилией и внешностью настоящего джигита поверг к своим стопам всю страну. А соло с горящей башни из фильма "Не бойся, я с тобой!" превратило Бюль-Бюль оглы (Бюль-Бюль в переводе с азербайджанского — соловей) в главную азербайджанскую кинозвезду — наряду с грузинским Вахтангом Кикабидзе и армянским Фрунзиком Мкртчяном.

Нынче маститый министр культуры Азербайджана наведывается в Москву лишь изредка. На этот раз повод был достойнейший: двадцатилетие "Не бойся, я с тобой!", шумно отмечавшееся на днях в столичном Доме кино. Однако даже здесь задержать его на час для разговора стоило, поверьте, невероятных усилий. — Вы приехали в Москву специально на юбилей "Не бойся, я с тобой?" — Я здесь, так сказать, проездом в Баку из Парижа, где выступал на сессии ЮНЕСКО в Комиссии по культуре. Ну и так подрастал, что отсюда как раз прилечу в Москву на празднование двадцатилетия фильма, на вечер... воспоминаний, наверное. Ведь не каждая картина живет столько лет — это первый советский музыкальный боевик, который в свое время взорвался, как бомба.

— Министр культуры Азербайджана, наверное, пользуется служебным положением и лоббирует свой фильм в республике?

— Нет (хохочет. — Д.Г.), в Азербайджане его и без того часто показывают... Конечно, нескромно так говорить, но и музыка, и аранжировки песен из "Не бойся, я с тобой!" сегодня, спустя двадцать лет, выглядят вполне современно: нельзя сказать, что "ой, какая старая история...". И слова у песен замечательные — их написал поэт Алексей Дидуров: о добре, о эле, о любви — в общем, о вечных чувствах... Поэтому фильм так долго живет — это искренняя, чистая сказка. Все стреляют, никто не умирает, все влюбляются, поют, скачут...

— В "Не бойся, я с тобой!" вы были и композитор, и певец, и даже актер. Как вам это удалось?

— Этот вопрос скорее не ко мне, а к режиссеру фильма Юлию Гусману, который сидит в соседней комнате (в своем собственном кабинете директора Центрального Дома кино. — Д.Г.). Но вообще история началась с музыки для фильма. Сначала Юлик отыскал другого композитора — я сейчас не буду его называть, потому что он уже отошел в мир иной, но речь идет об очень известном имени. Однако они не нашли общий язык, время поджимало, и Юлик обратился ко мне. Началась бешеная, напряженнейшая работа: я написал 12 песен за рекордно короткий срок.

И мысли о моем актерстве также пришли в голову Юлику. С баритоном у нас проблем не было: сразу стало понятно, что за главного героя, которого играет Мухтарбек Кантемиров, будет петь Иосиф Кобзон. Женскую партию исполнила Ирина Понаровская. А вот с тенором возникли сложности. Пробовались несколько певцов, но ничего не выходило. В итоге Юлик мне и сказал: "Записывайся сам". Ну, а под мой узнаваемый, очень специфичный голос подобрать какого-то другого актера... И снова Юлик Гусман предложил: "Давай попробуем снять тебя".

На самом деле я всегда хотел сыграть в кино. Но считал, что думать об этом уже поздно. Однако Юлик если во что-то вцепится — его же не оторвешь! Сделали пробы. И что самое удивительное — худсовет в составе свыше сорока человек меня утвердил единогласно.

— Актерский дебют произвел на вас впечатление?

— Ну, это такой великолепный ансамбль: Сергей Юрский, Лев Дуров, Мухтарбек Кантемиров — все профессионалы высокой пробы. Единственный непрофессионал среди них был я. Но в подобном окружении я не чувствовал особых трудностей.

— В "Не бойся, я с тобой!" очень много трюков. Наверняка какие-то из них вы выполняли лично?

— На лошади скакал я сам. А вот где меня на веревке по полю тащат — это не я. (Смеется. — Д.Г.)

— На лошади учились скакать специально для фильма?

— Да, меня тренировал сам Мухтарбек Кантемиров, поэтому хорошим наездником я стал очень быстро. У меня папа отлично ездил на лошади, значит, осталось что-то в генах...

И еще специально для фильма я отрастил усы. На первых съемках усы пришлось приклеивать. Но потом Юлик Гусман сказал: "Чего ты мучаешься — отпусти свои". Ну вот: отпустил, да так с усами и остался. Правда, года два тому назад снова сбрил. Снимали клип на одну мою песню, и стилисты-вижжисты, как сейчас модно говорить, хором упростили побриться. Два года ходил без усов, а нынче летом постригся и решил (улыбаясь, проводит рукой по голове. — Д.Г.) отпустить их снова.

— Вас сейчас в Москве на улицах не узнавали?

— Самое интересное, что вчера в Париже на Марсовом поле возле Эйфелевой башни ко мне подошла какая-то женщина, посмотрела пристально и спросила на чистом русском языке: "А вы не Полад Бюль-Бюль оглы?". Я обалдел совершенно. Она пояснила: "Вы знаете, я русская, много лет живу в Париже и помню ваш фильм "Не бойся, я с тобой!". Так что узнают — и с усами, и без усов, и даже в Париже...

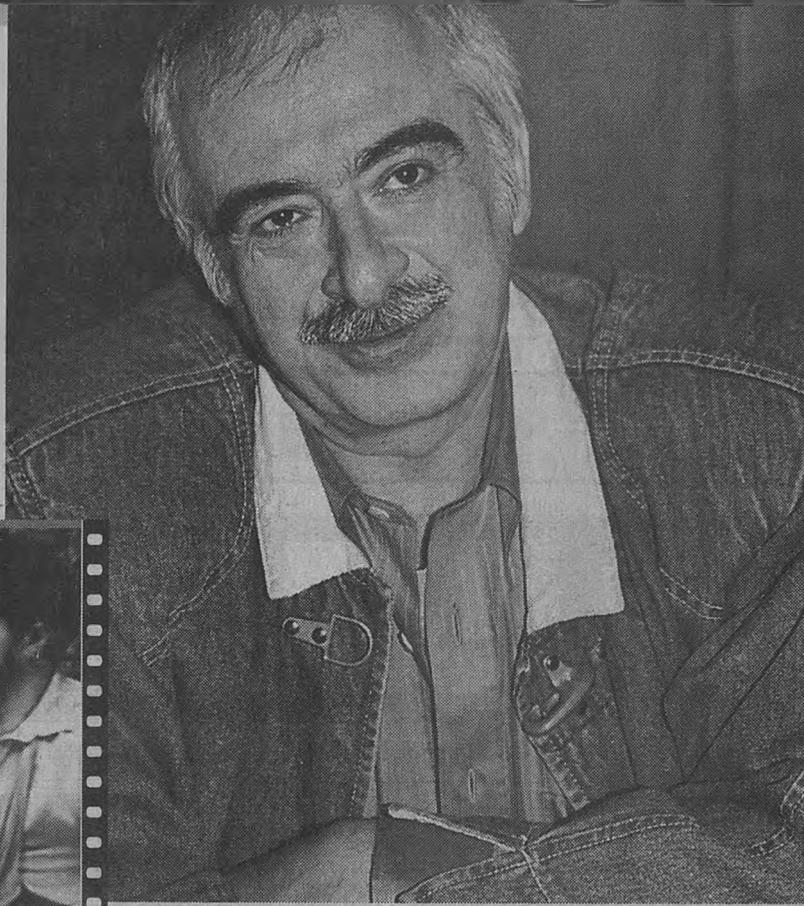
— Наверное, в свое время о Париже приходилось только мечтать?

— Вы знаете, тогда нашим руководителем был тоже Гейдар Алиев, и большая его заслуга заключалась в том, что в Азербайджане не искали диссидентов. Наоборот, у нас все творческие деятели всегда дружили с отделом культуры ЦК. Ну, как дружили? У нас складывались нормальные отношения, и мы довольно часто ездили за границу. В советское время я побывал более чем в семидесяти странах мира... То есть я не чувствовал особого давления со стороны государства.

Ну, заставляли, например, сдавать программы при выезде за рубеж. Мы вписывали туда патристические песни, а потом все равно пели то, что сами считали нужным.

— И что — вас никогда и ни в чем не ограничивали?

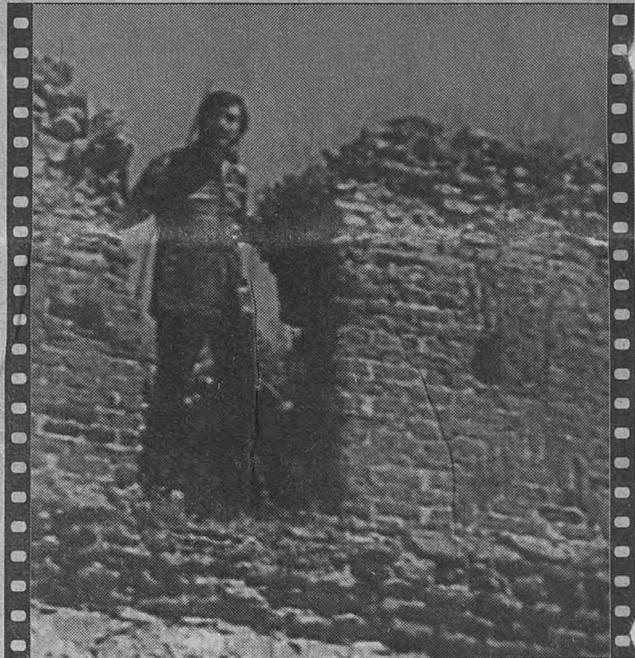
— Случалось, конечно... Например, вырезали на союзном телевидении — за то, что руку не так поднял или ногу не так поставил. Особенно свирепствовал тогдашний председатель Гостелерадио Лавин. Мог забракать песню за то, что ему не понравилась в ней какое-нибудь слово. А еще у него был заместитель Мамедов, по национальности азербайджанец. У него существовал другой пункт. Чтобы "наверху" не подумали, не дай Бог, что

ГЕНАДИЙ ЧЕРКАСОВ

СОЛОВЕЙ — МИНИСТР — СОЛОВЕЙ

Полад Бюль-Бюль оглы:
"Меня узнают с усами, без усов и даже в Париже"

он помогает азербайджанцам, он ввел такое правило: если в концерте выступает Магомаев, то ни меня, ни других азербайджанских артистов по телевидению показывать нельзя. И наоборот. Только по одному.

Дело дошло до того, что пришлось вмешаться людям из ЦК КПСС.

— А я где-то слышал, что вы называете Муслима Магомаева чуть ли не своим братом...

— Мы — друзья детства. У писателя Махсуда Ибрагимбекова есть потрясающая фраза: "Друзей детства не выбирают". Мы с ними рождаемся, как с самыми близкими родственниками. С Муслимом мы жили в одном доме. Наше детство, а в общем-то и вся жизнь, прошли вместе.

— Многие считали Магомаева вашим первым конкурентом на эстраде...

— Ну что вы, ни в коем случае! Наоборот, Муслим мне очень помог. Можно сказать, это он привез меня в Москву. Я написал тогда для него песню, но мы не смогли организовать в Баку студию для записи, и Муслим сказал: "А поехали в Москву!". В те времена я и не помышлял об исполнительской карьере, но так получилось, что в Москве песни понравились, мне предложили записать их на радио. И уже после появилась та знаменитая серия — "Позвони", "Азербайджан", "Фиалки"...

Так что с Муслимом мы никогда не были конкурентами. Я всегда относился к нему как к старшему брату, а он пел мои песни — о каком соперничестве может идти речь? И свой самый известный шлягер "Позвони" я сначала принес Муслиму. Но когда сел за рояль, он сказал: "Слушай, это же твоя песня, ты ее и должен петь". Я: "Ну вот, ты хочешь от меня извиниться, поэтому так и говоришь". Муслим: "Да нет же, я могу ее спеть, но я тебе советую — пой сам, это будет шлягер".

Так и получилось...

— А нынче вы с ним по-прежнему живете рядом?

— Ну, сейчас он в основном живет в Москве. А я из-за своей административной работы бываю здесь весьма редко.

— У вас, насколько я знаю, совершенно неприличный по нынешним временам министерский стаж. Вы работаете в азербайджанском правительстве аж с 1988 года...

— Что, пора убирать?.. (Посмеивается в усы. — Д.Г.)

— И в мыслях не было. Просто говорят, что творческие люди абсолютно не годятся для административных должностей.

— Это правда. Но, наверное, надо уметь чем-то жертвовать. В принципе ради министерства я практически отказался от творчества. Все эти годы я не пишу и почти не пою. Я действительно считаю, что всерьез заниматься и творчеством, и административной работой одновременно — невозможно.

— Решение перебраться в министерский кабинет далось нелегко?

— Конечно. Хотя, честно говоря, уже в середине 80-х годов у меня стали появляться мысли, что пора уходить. На сцене возникли новые имена, новые стили. И когда мне предложили возглавить Азербайджанскую государственную филармонию, которая находилась в то время в крайне запущенном состоянии, я подумал: надо попробовать. Тем более с моими довольно большими связями.

У меня же и характер такой, я бы сказал, общественный. В детстве во дворе всегда был атаманом, в школе меня выбирали командиром отряда, председателем совета дружины, секретарем комсомольской организации, а в 1962 году я стал делегатом XIV съезда комсомола. Вот вы какого года рождения?

— 1974-го.

— А... (ехидно улыбается. — Д.Г.) Видите, значит, еще задолго до вашего рождения я был одним из самых молодых делегатов съезда ВЛКСМ. Так что меня всегда привлекала общественная деятельность.

Когда я поступил в консерваторию, мой педагог Кара Караев сказал мне: "Слушай, ты или иди занимайся общественными делами, или учиись музыке". Но и в консерватории меня избрали председателем какого-то комитета по проведению фестивалей.

— То есть вы не жалеете, что сменили ампулу?

— Нет, не жалею. Я приобрел огромный опыт, огромный багаж на всю оставшуюся жизнь. Научился работать в жестких условиях, находить компромиссы. Раньше я был абсолютно бескомпромиссный человек. Но административная жизнь заставила находить общие интересы.

— Говорят, ваш сын Теймур очень на вас похож. Мол, вылитый папа в молодости.

— Да. Он ростом чуть повыше меня, но такой же худой. Первый фаготист в оркестре имени Чайковского. Ему уже 26 лет, живет в Москве. Сейчас учится в аспирантуре консерватории.

— Вы не влияли на его профессиональный выбор?

— Ну, фагот он выбрал сам, это точно. Я, наоборот, пытался его отговорить, ведь фагот — очень тяжелый и трудный инструмент. Но не удалось, и, что меня радует, он стал хорошим музыкантом, профессионалом высокого класса.

— А голос его похож на папин?

— Вы знаете, он даже не пробовал петь. Я же мечтал увидеть сына дирижером. До сих пор подбиваю его на дирижирование, которое мне очень импонирует.

— А когда вы сами пели в последний раз?

— По-серьезному за последние несколько лет я пел всего два раза. Во-первых, в 1995 году, на своем 50-летию. Вообще-то я не собирался его отмечать. Но позвонили мои московские друзья, и прежде всего Иосиф Давыдович Кобзон, который сказал: "Волею судьбы, Лева Лещенко, Валя Толкунова и я — мы придем обязательно. Ты что, свой "полтинник" зажать хочешь?".

В результате прибыла масса гостей: были и Вахтанг Кикабидзе, и Нани Бреговдзе, и Махмуд Эсамбаев, и Бисер Киров, и Борис Брунов, и Бари Алибасов с "На-На", которые смотрели на нас как на настоящих живых динозавров. Короче, "маленький концерт" вылился в шесть часов.

А в 1999 году, когда я прилетел в Москву на юбилей Махмуда Эсамбаева, художественный руководитель ГКЦЗ "Россия" Петр Шаболтай предложил заложить на площадь перед концертным залом мою именную звезду. Звезду заложили, я выступил. Правда, тогда азербайджанская пресса принялась возмущаться: "Почему это он в Москве выступает, а здесь нет? Если дома не поет — пусть нигде не поет..." И я дал два концерта в Баку.

— Несолодино как-то для чиновника петь со сцены...

— Вы знаете, за эти тринадцать лет я доказал свою состоятельность как министра. Поэтому если теперь я иногда и позволяю себе спеть, то это уже никак не повлияет на мой имидж.

Дмитрий ГУСЕВ.